

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕГЭ: ПОПЫТКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е.Л. Омельченко, Е.Л. Лукьянова

В статье представлены результаты исследования отношения к ЕГЭ старшеклассников и их родителей. Отмечаются недостаточная информированность об условиях проведения экзамена, негативная установка по отношению к нему значительной части опрошенных. Большинство старшеклассников не видят декларируемых преимуществ ЕГЭ, но воспринимают его как угрозу доступности высшего образования.

Эксперимент по введению единого государственного экзамена уже давно перешагнул рамки отдельных регионов. В 2005 году он проводился в 69 областях и республиках России по 12 различным предметам, а в целом тестовые задания разработаны уже по 14 учебным дисциплинам¹. Все предметы рискнули взять только 9 регионов, большая же часть – 35 регионов – предпочла выбрать 6–10 предметов. Есть и такие регионы, в которых эксперимент только начинает разворачиваться. В них решено отработать механизм ЕГЭ, взяв за основу лишь одну-две школьные дисциплины, главным образом математику и русский язык. По планам Министерства образования и науки РФ, в 2005 году доля выпускников, зачисленных в вузы и ссузы по результатам единого экзамена, должна была составить 83% [1]. В 2004 году таковых по всей стране насчитывалось уже 68%, или 820 тысяч человек. Если вначале высшие и средние специальные учебные заведения настроенно относились к единому экзамену (в первый год эксперимента в нем согласилось принять участие всего 16 учебных заведений), то в настоящее время все большее их количество включается в реформу. В 2005 году их суммарное число должно было составить более 3500 вузов и ссузов [1].

За приведенными цифрами скрывается не только успешность проводимых преобразований, но и размах тех институциональных изменений, которые должны последовать за ними. Ведь суть ЕГЭ – не простое совмещение выпускных и вступительных экзаменов. ЕГЭ призван стать инструментом выравнивания шансов различных слоев населения на получение образования. Как известно, одной из самых острых проблем российского образования является разрыв между уровнем знаний, даваемых в школе и требуемых от абитуриентов в вузе. Эта проблема не нова. Ее поднимали еще М.Н. Руткевич и В.Н. Шубкин в своих исследованиях 60–70-х годов, указывая на то, что неравенство в знаниях, а точнее, в доступе к системе подготовительных курсов, «рабфаков», специализированных школ значимо влияет на возможности ребят из деревень и малых городов, а также из семей рабочих и крестьян получать высшее

¹ Данные приводятся с сайта www.abitur.ru, со ссылкой на Министерство образования и науки РФ. Отметим, что на специальном сайте министерства, посвященном вопросам единого государственного экзамена, информации об итогах кампании 2005 года пока еще нет. В других источниках – из Интернета и СМИ – количество регионов, участвовавших в эксперименте, заметно расходится. Согласно одним, в 2005 году ЕГЭ проводился в 63 регионах, согласно другим – в 65 и даже в 78 субъектах Федерации. Очевидно, что такая пуганица связана с тем, что в части регионов, например в Москве, выпускники имели право выбирать между ЕГЭ и традиционной формой экзаменов, а в части – сдавали его в обязательном порядке. Подобные расхождения могут также объясняться и тем, что еще не во всех областях и республиках открыты свои территориальные центры проверки тестов.

образование [2]. За прошедшее с тех пор время барьер между школой и вузом несколько не ослаб, с ним ничего не смогла сделать ни реформа 1984 года, ни перемены 1990-х годов. По подсчетам экономистов, сегодня вузы получают около 250–400 млн долларов в год, организуя работу подготовительных курсов и базовых школ. Еще примерно 1 млрд долларов в год тратится из семейных бюджетов на репетиторов и взятки на поступление [3]. Потребителями рынка услуг довузовской подготовки становятся, по разным данным, не менее 80–90% выпускников средних школ. Единый государственный экзамен, ставя перед собой целью проверку знаний с опорой на школьную программу, должен, по мысли его разработчиков, разрушить эту годами складывающуюся систему перехода из школы в вуз.

Пока об эффективности ЕГЭ судят по количеству принявших в нем участие регионов, среднему набранному баллу, числу полученных «двоек» и «пятерок», доле присоединившихся к эксперименту вузов. Несомненно, все эти показатели важны для оценки идущих преобразований, но все-таки недостаточны для понимания того, насколько единый экзамен способствует повышению доступности высшего образования, особенно качественного. Уже сегодня требуется серьезный социологический анализ социальных и институциональных последствий введения новой формы аттестации. Даже самый беглый обзор сайтов вузов тех регионов, которые самыми первыми пять лет назад вступили в эксперимент, показывает, что в них вовсе не отказались от традиционных форм работы с абитуриентами, а, следовательно, сохранили прежнюю систему, регулировавшую доступность высшего образования. Более того, стоимость курсов и репетиторства в этих регионах ничуть не меньше, чем в тех, где единый экзамен только начинает внедряться. В связи с этим актуальными становятся вопросы о том, действительно ли ЕГЭ способствовал снижению спроса на довузовскую подготовку или, наоборот, привел к параллельному развитию рынка услуг теперь уже по подготовке к сдаче самого единого экзамена? Уменьшило ли оно учебную нагрузку на выпускников или только прибавило им забот и корпения над учебниками? Наконец, выиграли ли семьи абитуриентов в материальном плане, или же им приходится нести двойные издержки, одновременно готовя детей к сдаче ЕГЭ и вступительных экзаменов в вуз? Расширились ли возможности получения образования у ребят из малообеспеченных семей, сельской глубинки, работающей молодежи, или список социально уязвимых пополнился новыми примерами?

Социологи только приступают к изучению данных вопросов. Проводимые по всей стране исследования в основном направлены на выяснение степени осведомленности россиян и их мнения об этой образовательной реформе. Несмотря на то что с каждым годом все больше становится тех, кто слышал о едином экзамене, отношение к нему до сих пор не слишком благоприятное. И ВЦИОМ, и ФОМ признают, что за два последних года число противников ЕГЭ заметно прибавилось [4]. По данным Фонда «Общественное мнение», в 2005 году почти каждый третий россиянин негативно отзывался о затеянном эксперименте с экзаменами [5]. Примечательно, что наиболее скептически о нем судили жители крупных городов и, что более важно, села. Всего лишь 22% последних уверены в том, что единый экзамен может дать объективную оценку знаний учащихся. Такая позиция сельчан не может не настораживать. Специалисты Фонда «Общественное мнение» также обращают на нее внимание, ставя под сомнение социальную

эффективность сегодняшних преобразований, т.к. во многом они предпринимаются именно ради сельских школьников.

Интересны и результаты опросов, в которых выясняются причины положительного или негативного отношения к ЕГЭ. Среди первых обычно называют упрощение процедуры поступления в вуз, возможность учиться в самых престижных учебных заведениях страны, снижение субъективности в выставляемых оценках и т.п. Среди вторых – нивелирование индивидуальных особенностей учеников, формальность и поверхностность проверки их знаний с помощью тестов, а также усиление коррупции при сдаче экзаменов в школе [6]. Анализ ответов на подобные вопросы помогает косвенно судить и о том, насколько успешно единый экзамен помогает облегчить подготовку к поступлению в вузы. К сожалению, пока похвастаться тем, что ЕГЭ уменьшает нагрузку на учащихся, могут весьма незначительное число россиян. По данным Фонда «Общественное мнение», такой точки зрения придерживается всего 4% населения.

Еще острее данная ситуация предстает в результатах исследования «Оценка социальной структуры состава студентов вузов, поступающих на основе ЕГЭ», выполненного учеными Высшей школы экономики [7]. В ходе опроса студентов 1, 2 и 4-го курсов из Чувашии и Марий Эл (здесь ЕГЭ проводится уже пятый год) они обнаружили, что переход этих двух регионов на единый государственный экзамен стимулировал развитие рынка дополнительных образовательных услуг. Так, среди четверокурсников, поступавших еще по старым правилам, с репетиторами или на подготовительных курсах занималось не более 30%, среди второкурсников, зачисленных уже на основе ЕГЭ, таких было 45%, а среди первокурсников – 51%. Необходимости обращаться за дополнительной подготовкой не удалось избежать ни одной из социальной групп, в том числе и сельской молодежи, и ребятам из малообеспеченных семей. Около 40% из них вынуждены были искать возможности для посещения специальных курсов. Авторы проекта приходят к неутешительному выводу о том, что идущие сегодня в российском образовании изменения носят инкрементальный характер, т.е. по существу воспроизводят, но в несколько других масштабах, все те ограничения по доступности высшего образования, которые были и ранее. Они объясняют это, с одной стороны, неподготовленностью средних школ к эксперименту (неудовлетворительное качество даваемого там образования, плохие материальные условия, низкий престиж профессии учителя), с другой – инертностью старых традиций и стандартов поведения.

Что касается подвижек в социальной структуре студентов, то только подробная детализация их характеристик позволила участникам рассматриваемого проекта выявить некоторые сдвиги. В частности, они сравнивают уровень образования отцов и матерей первокурсников, род их деятельности, анализируют социокультурную обстановку в семье, уровень ее материальной обеспеченности и ряд других показателей. В результате они констатируют, что если социальная база студенчества и расширилась, то только за счет «периферии» тех групп, из которых оно рекрутировалось в прежние годы. Так, среди студентов стало больше детей отцов рядовых работников, а также тех, чьи отцы не имеют высшего образования в отличие от матерей, в свое время получивших его. Другие признаки, например культурные, материальные, территориальные, не оказывают сколько-нибудь заметного влияния на изменения в социальной структуре чувашского и марийского студенчества. Однако причины

этого могут крыться и в методологических особенностях применяемых группировок, которые оказываются слишком подробными в отношении статусных переменных и, наоборот, довольно общими для всех остальных. В любом случае выявленные сдвиги не являются настолько крупными, чтобы свидетельствовать об эффективности проходящей образовательной реформы.

Исследование, проведенное научно-исследовательским центром «Регион», свидетельствует о том, что проблемы неравенства во многом заложены в самом механизме ЕГЭ, по крайней мере, в том виде, в котором он реализуется сейчас. В ходе этого исследования удалось одновременно провести анкетный опрос как выпускников школ, так и их родителей. Всего в опросе, проходившем по репрезентативной квотной выборке, приняло участие 800 одиннадцатиклассников и 535 мам и пап из городов, поселков и деревень Ульяновской области.

Ульяновская область примечательна тем, что, в отличие большинства соседних регионов, не спешит с переходом на единый государственный экзамен. Впервые здесь он был проведен лишь в 2004 году, и то только по двум предметам – физике и химии. Тогда его рискнули сдать в общей сложности 4218 ребят, при этом свыше 35% из них получили неудовлетворительные оценки [8]. Неудивительно, что в 2005 году число желающих держать единый экзамен заметно поубавилось и составило всего 2514 человек. Хотя итоговый средний балл по обоим предметам вышел больше, чем в 2004 году, тем не менее, примерно 20% всех сдававших не смогли справиться с экзаменационными тестами и получили «двойки». Интригой всего 2005 года стало долго принимавшееся решение о введении единого экзамена по математике и истории – предметам, которые приходится готовить большинству абитуриентов. В конечном итоге решение так и не было утверждено, но возникшие вокруг него споры и слухи настолько накалили обстановку, что сделали явными многие из имеющихся проблем и противоречий.

Первая из них оказалась связана с уровнем информированности школьников и их родителей об особенностях проведения единого экзамена. Хотя почти все из опрошенных слышали об этом нововведении, полученный уровень информированности нельзя назвать хорошим. Среди выпускников и их родителей достаточно много тех, кто имеет далеко не полные сведения о ЕГЭ. Таковых по всей выборке набралось 40% ребят и 64% родителей. Интересно, что у школьников информированность о едином экзамене практически не зависит от места проживания и от планов дальнейшего поступления. Слабо она определяется и специализацией в обучении. Более того, наличие в школе целенаправленной подготовки к ЕГЭ, например, в форме факультативов, также мало сказывается на степени осведомленности учащихся о нем.

Что касается родителей, то их заинтересованность в информации о едином государственном экзамене во многом связана с социальным положением семьи. Больше других о нем слышали те из взрослых участников опроса, кто имеет высшее образование, работает на должности руководителей и специалистов, а также те, чей материальный уровень выше среднего. И, наоборот, хуже всего оказались осведомлены родители со средним или средним профессиональным образованием. Среди них много рабочих и служащих с небольшими денежными доходами, велика в этой группе и доля безработных.

Разные социальные типы семей отличаются не только уровнем информированности, но и теми каналами, к которым они обращаются в поисках сведений о едином государственном экзамене. Родители из наиболее

«информированных» социальных страт не довольствуются лишь рассказами ребенка или встречами с его учителями, они следят за публикациями о ЕГЭ в средствах массовой информации и обращаются к справочной литературе. В то же время среди тех, кто не слишком хорошо знаком с этой формой аттестационных испытаний, преобладают родители, полагающиеся главным образом на детей или их педагогов. Если учесть тот факт, что для самих учеников основным источником сведений являются их учителя, то выходит, что школа пока недостаточно эффективно справляется со своей информационной функцией. И те, кто рассчитывает узнать все о едином государственном экзамене именно из этого источника, рискуют остаться в неведении по многим волнующим их вопросам.

Своего рода проверкой правильности знаний о ЕГЭ стал вопрос о том, какие шансы попасть в вуз есть у выпускников, неудовлетворительно сдавших его. Успешно справиться с заданием смогли только 10% старшеклассников и 16% их родителей, верно выбравших ответ «никуда нельзя будет поступить». Большинство же путает единый государственный экзамен с централизованным тестированием и полагает, что они вправе не засчитывать полученные по нему результаты и повторно сдавать обычные вступительные испытания в вуз. Среди одиннадцатиклассников так считают 54%, а среди их родителей – 42% опрошенных. Показательна и доля затруднившихся с ответом на этот вопрос. В среднем по выборке, как школьников, так и их родителей, она составила 19%. Среди затруднившихся, как и в случае с общей информированностью, преобладают семьи с низким или средним образовательным уровнем, занятые на рабочих специальностях.

Таким образом, в выигрышной ситуации оказываются те, кто по своему социальному положению имеет доступ к различным источникам информации, а не ограничивается каким-то одним из них, в частности, сведениями, почерпнутыми от учителей. Это семьи прежде всего руководителей и специалистов с высшим образованием, а также те, чье материальное положение выше среднего. Если опираться на исследования Д.Л. Константиновского, и в советское время, т.е. в рамках той образовательной системы, от которой пытаются отойти, в том числе и с помощью единого экзамена, этим группам удавалось удачнее остальных реализовать свои образовательные шансы [9]. А сельские жители, малоимущие семьи и семьи рабочих также были в числе аутсайдеров. Следовательно, механизм единого экзамена оказывается неэффективным уже в плане информационной кампании, не выполняя главной из своих заявленных задач – уравнивания шансов выпускников из разных социальных слоев.

Для Ульяновской области в силу ее социально-экономической отсталости вопрос эффективности ЕГЭ актуален вдвойне. Проводимые социологические замеры показывают, что почти 40% молодежи оценивают уровень жизни своей семьи как предельно низкий. Для трети родителей выпускников школ это означает, что поступление в вуз является весьма тяжелой материальной проблемой, заставляющей выбирать дешевые и непродолжительные формы подготовки. Если при традиционной системе пробелы в знаниях отчасти удавалось компенсировать за счет не очень трудных вступительных экзаменов в местные вузы и отсутствием в них высоких конкурсов, то в новой ситуации ульяновские школьники могут оказаться неконкурентоспособными по сравнению с другими регионами. Хотя, по заверениям разработчиков единого экзамена, ребятам, хорошо успевающим по школьной программе, не должно составить труда сдать его, тем не менее, около 95% самих школьников не напрасно

полагают, что им не обойтись без специальной подготовки к ЕГЭ. Результаты двух лет эксперимента только подтверждают это мнение. В среднем, в зависимости от предмета, ульяновским выпускникам удавалось набрать от 54 до 59 баллов, в то время как, например, для поступления в вузы вроде МГИМО или Финансовой академии при правительстве России требуется результат в 85 пунктов и выше. Эту планку в состоянии преодолеть не более 7–10% одиннадцатиклассников Ульяновской области. Вузы из близлежащих регионов, включившиеся в эксперимент, также стремятся к завышенным шкалам перевода оценок по ЕГЭ в конкурсные баллы, объясняя это желанием набрать в первую очередь талантливых абитуриентов.

В свете этого неудивительно преобладание среди одиннадцатиклассников и их родителей негативной установки к единому государственному экзамену. Среди учащихся 70% выступают против перехода на новую систему, лишь 9% из них приветствовали бы переход школы на единый экзамен, еще 11% оказалось все равно, в какой форме сдавать аттестационные испытания, так что их тоже можно зачислить в ряды сторонников ЕГЭ. Но даже вместе с ними их общее число не так велико – всего 20%. Разобраться в отношении родителей сложнее, т.к. достаточно значительная их часть затруднилась с выбором ответа (34%). Особенно много затруднившихся среди участников исследования из сельских районов области, где 53% родителей старшеклассников ничего не смогли сказать по поводу своего мнения о едином государственном экзамене. Однако анализ ответов на другие вопросы дает основания предполагать, что большинство из затруднившихся отрицательно относится к задуманным нововведениям.

Так, всем участникам опроса предлагалось оценить по 10-балльной шкале свои шансы или шансы своего ребенка поступить в вуз по традиционной системе, а также сдавая единый экзамен. В таблицах 1 и 2 приведены получившиеся средние оценки. По традиционной системе экзаменов они составили около 6,5 балла, а для ЕГЭ – 4,6 балла. Самые низкие шансы на поступление, в случае сдачи единого экзамена, приписывают его резкие противники. Они полагают, что вероятность того, что можно будет продолжить обучение в вузе, не превышает и 40%. Те, кто затруднился с ответом, примерно так же пессимистично оценивают шансы на поступление, и полученный для них средний балл ниже показателя, характерного для всей выборки исследования.

Таблица 1

Оценки выпускников своих шансов поступить в вуз

	В целом по выборке		Отношение к единому государственному экзамену					
			Сторонники ЕГЭ		Противники ЕГЭ		Затруднившиеся	
	Шансы по традиц. системе	Шансы по ЕГЭ	Шансы по традиц. системе	Шансы по ЕГЭ	Шансы по традиц. системе	Шансы по ЕГЭ	Шансы по традиц. системе	Шансы по ЕГЭ
Средние оценки	6,52	4,6	6,45	6,48	6,64	4,07	6,01	4,89

Таблица 2

Оценка родителей шансов своих детей поступить в вуз

	В целом по выборке		Отношение к единому государственному экзамену					
			Сторонники ЕГЭ		Противники ЕГЭ		Затруднившиеся	
	Шансы по	Шансы	Шансы по	Шансы	Шансы по	Шансы	Шансы	Шансы

	традиц. системе	по ЕГЭ	традиц. системе	по ЕГЭ	традиц. системе	по ЕГЭ	по традиц. системе	по ЕГЭ
Средние оценки	6,46	4,64	6,2	6,97	6,63	4,08	6,36	4,55

Интересно, что одним из главных факторов, определяющих отношение выпускников, являются их дальнейшие образовательные планы. Единый государственный экзамен в большей степени пользуется поддержкой у тех, кто стремится поступить в вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Почти 15% из них однозначно отдали свои голоса «за» этот вид экзаменов, еще примерно столько же из них готовы к любой из форм испытаний, какая бы ни была им предложена. Те, чьи образовательные планы не идут дальше Ульяновской области, напротив, не так заинтересованы в ЕГЭ. Идея перехода на него нравится лишь 9% из них, к тому же в этой группе значительно меньше и тех, кому безразлична форма предстоящих выпускных экзаменов (10%). Заметим, что сходное мнение имеют и одиннадцатиклассники, собирающиеся учиться в вузах соседних регионов, в первую очередь Самарской области и Республики Татарстан. Среди них сдавать единый государственный экзамен хотели бы всего 11%, еще столько же из них согласны на любую форму экзамена, в том числе и на ЕГЭ. Как известно, одним из главных аргументов разработчиков единого экзамена является то, что он даст возможность абитуриентам поступать во все вузы страны, независимо от их места жительства. Из результатов опроса следует, что данная возможность расценивается как важное преимущество лишь теми, кто мечтает о поступлении в столичные вузы, среди которых преобладают действительно престижные учебные заведения вроде МГУ, МИФИ, МИСИ и т.п. Для выпускников же, планирующих поступление в провинциальные, пусть и удаленные вузы, это достоинство новой системы не столь очевидно и перевешивается страхами перед сложностью заданий, строгостью контроля и тому подобными вещами.

В исследовании проверялась еще одна гипотеза, касающаяся декларируемых преимуществ единого государственного экзамена. Предполагалось, что число его сторонников должно быть наиболее велико среди школьников, которые намерены подавать документы одновременно в несколько вузов. Однако оказалось, что отношение к единому государственному экзамену не зависит от количества вариантов поступления. И среди тех, кто выбрал один вуз, и среди тех, кто решил попробовать свои силы сразу в нескольких, число сторонников и противников ЕГЭ одинаково. Так что данный довод также не стоит рассматривать в качестве серьезного аргумента в пользу введения этой формы испытаний. Тем более что отсутствие такой взаимосвязи объясняется вполне объективными тенденциями. Так, если пять лет назад около половины всех абитуриентов предпочитали подстраховываться и изначально имели два-три запасных варианта, то сегодня превалирует обратная стратегия. 70% из всех участников опроса нацелены поступать лишь в один вуз и соответственно взвешивают все достоинства и недостатки ЕГЭ с точки зрения своих шансов попасть именно туда.

Таким образом, большинство старшеклассников не видят в едином экзамене тех преимуществ, о которых сейчас много говорится – совмещение выпускных и вступительных экзаменов, возможности заочной подачи результатов одновременно в несколько вузов страны и т.п. Переход на новую форму экзаменов, наоборот, воспринимается как угроза доступности высшего образования. В числе самых уязвимых групп оказываются выпускники сельских

школ, а также ребята из малообеспеченных, преимущественно рабочих семей. Их проблемы не ограничиваются только более низким качеством школьного образования или недостаточно хорошей успеваемостью, они также лишены точной и полной информации о едином государственном экзамене. Все, чем они в основном располагают, – это сведения, почерпнутые от учителей, которые, как показало исследование, не всегда правильно отражают имеющееся положение дел и, к тому же, сами не имеют единого мнения о необходимости ЕГЭ. Родители таких ребят не в состоянии, в силу своего социального положения, восполнить нехватку информации, а также компенсировать пробелы в подготовке. Что касается остальных, то, несмотря на высокий уровень осведомленности, они тоже боятся не выдержать единого экзамена, поскольку считают, что задания на нем заведомо превосходят уровень школьных знаний. Атмосферу моральной паники вокруг единого государственного экзамена, кроме того, усугубляет отсутствие в ульяновских школах и вузах продуманной системы подготовки к нему. Около 80% родителей уверены, что им придется пойти на дополнительные затраты с тем, чтобы их дети смогли успешно пройти экзаменационные тесты. Причем для половины семей подготовка к ЕГЭ потребует весьма существенных вложений, поскольку из-за отсутствия каких-либо специальных факультативов или курсов, как предполагается, придется обращаться к репетиторам. Следовательно, единому экзамену не удастся избежать и финансовых барьеров. Хотя в перспективе увязки полученных по ЕГЭ результатов и размеров государственных образовательных кредитов (ГИФО) эти финансовые барьеры кажутся вполне закономерными.

Л и т е р а т у р а

1. Болотов В.А. Итоги проведения эксперимента по введению единого государственного экзамена в 2004 году и задачи эксперимента на 2005 год. Выступление на коллегии Министерства образования и науки РФ. <http://ege.edu.ru:8080/ege/portal/docs.nsf>.
2. Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи: Избранное (1965–2002) / Предисл. акад. РАН Л.Н. Митрохина. – М.: Гардарики, 2002; Шубкин В.Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). – М.: Мысль, 1970.
3. Стратегии адаптации высших учебных заведений: экономический и социологический аспекты / Под ред. Т.Л. Клячко. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. С. 28.
4. Единый государственный экзамен: «плюсы» и «минусы» новой системы. Пресс-выпуск № 230. <http://www.wciom.ru/?pt=45&article=1408>.
5. Бавин П. Единый госэкзамен √ эксперимент продолжается. – <http://bd.fom.ru/report/map/d052223>
6. Балашов В.В. Отношение различных групп населения к процессу реформирования образования в России – <http://www.teacher-edu.ru/wmc/arts>; Поздняев В. У нас нет волшебной палочки. Министр образования рассказал учителям о будущем, которое ждет среднюю школу // Новая газета. 22.08.2005.
7. Эфендиев А.Г., Решетникова К.В. Социальные аспекты ЕГЭ: ожидания, реальность, институциональные последствия. Доклад на V Международной конференции «Конкурентоспособность и модернизация экономики» – <http://www.hse.ru/ic5/51.pdf>.

8. Доступность высшего образования: человеческие ресурсы и тестовые технологии. Материалы шестой региональной школы-семинара. – Ульяновск: Ульян. гос. тех. ун-т, 2005.

9. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства: Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

The article presents the results of a survey on the attitude of secondary school students and their parents to the common state examination. It is demonstrated that most people lack information on the peculiarities of this examination. The majority of survey participants perceive the state examination as a threat to availability of higher education.